

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2008 г.

ΚΑΣΣΙΟΥ ΔΙΩΝΟΣ ΚΟΚΚΗΙΑΝΟΥ

ΡΩΜΑΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ. ΝΒ

CASSII DIONIS COCCEIANI

HISTORIA ROMANA
LIBER LII

ДИОН КАССИЙ КОККЕЙАН

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ
КНИГА LII

Перевод с древнегреческого *К.В. Маркова* и *А.В. Махлаюка*;
комментарии и общая редакция *А.В. Махлаюка**

26 (1) Вот что я могу тебе посоветовать относительно сенаторов и всадников, а кроме того, пожалуй, еще и следующее. Всем им в детском возрасте надлежит посещать школы, а с ранней юности⁸⁶ – упражняться в верховой езде и обращении с оружием, причем каждому из этих искусств их должны обучать учителя, получающие плату от государства⁸⁷. (2) Так, с самого детства изучая и осваивая все то, что им придется делать, ставши

* Окончание. Начало см. ВДИ. 2008. № 2. С. 218–235.

⁸⁶ ἐς μετράκια ἐκβάλλωσιν. Греческое слово μετράκιον означает подростков и юношей от 14 до 20 лет.

⁸⁷ Дион здесь, возможно, имеет в виду попытки Августа возродить традиционную военную подготовку римской молодежи из сенаторского и всаднического сословий через участие юношей в воинских упражнениях на Марсовом поле, а мальчиков в так называемых «Троянских играх» (lusus Troiae). Предложение о наставниках по военной подготовке, оплачиваемых государством, не было претворено в жизнь.

мужами, они окажутся для тебя более полезными во всяком деле. Ибо наилучший правитель, который действительно чего-то стоит, должен не только сам исполнять свои обязанности, но и заблаговременно позаботиться о том, чтобы и другие стали как можно лучше. (3) И это у тебя получится, не в том случае, если станешь сначала позволять им делать все, что заблагорассудится, а затем порицать провинившихся, но если прежде, чем они допустят какую-нибудь ошибку, ты научишь их всем тем вещам, усвоив которые они принесут больше пользы как самим себе, так и тебе, а также если ты вообще никому не позволишь под каким бы то ни было предлогом, (4) будь то богатство, или знатное происхождение, или какое-либо другое преимущество, присваивать себе право на праздность и изнеженность или иное сомнительное с нравственной точки зрения поведение. Ибо многие из страха, как бы их положение не стало причиной зависти и не навлекло на них опасности, часто совершают порочащие их самих поступки, рассчитывая жить в большей безопасности. (5) По этой причине они возбуждают к себе сочувствие, как будто стали жертвами несправедливости, в том смысле, что, по мнению людей, они лишены возможности вести достойную жизнь. На долю же правителя достается не только урон от того, что он лишается хороших людей, но и дурная слава, так как именно его в этом и обвиняют. Итак, никогда не допускай, чтобы такое произошло, а с другой стороны, не бойся, что человек воспитанный и образованный так, как я предлагаю, решится когда-нибудь на переворот. (6) Напротив, тебе следует ожидать этого от людей невежественных и разнузданных, которые-то как раз легко склонны совершать самые гнусные и ужасные вещи сначала по отношению к самим себе, а затем и к окружающим. Те же, кто получил хорошее воспитание и образование, никогда не решатся причинить зло другому и менее всего тому, кто позаботился об их воспитании и образовании. (7) Если же кто из них все-таки окажется порочным и неблагодарным, не поручай тому ничего такого, что могло бы иметь опасные последствия, а если же он затеет какой-нибудь мятеж, его следует предать суду и наказать. И не бойся, что кто-либо будет обвинять тебя за это, если ты будешь следовать всем моим предписаниям, (8) ибо ты не совершишь никакого проступка, наказав преступника, как не совершает его и хирург, прижигая что-либо или отрезая. Напротив, все осудят виновного за то, что он, получив такое же воспитание и образование, как и другие, замыслил зло против тебя.

Итак, в этом должен заключаться твой образ действий в отношении сенаторов и всадников.

27 (1) Надлежит также позаботиться и о содержании постоянного войска⁸⁸ из граждан, подвластных народов и союзников, набираемого, в соответствии с размером каждой провинции, в большем или меньшем числе, как того потребует положение дел; (2) и воины эти должны находиться в постоянной боевой готовности и непрерывно упражняться в военном искусстве. Зимние квартиры для них следует устроить в наиболее подходящих местах, и срок службы определить им такой, чтобы по выходе в отставку они располагали еще некоторым временем до наступления старости. (3) Необходимость в такой армии связана с тем, что нам больше уже нельзя полагаться на войска, собираемые в случае отдельных угроз, ибо мы и сами весьма удалены от границ нашей державы и со всех сторон окружены врагами. Если же позволить всем, кто находится в возрасте, пригодном для воинской службы, иметь оружие и заниматься военным делом, от них не-

⁸⁸ στρατιώτας ἀθανάτους. Характерное для Диона обозначение постоянной армии (ср. LVI. 40. 2). Говоря в данной главе о необходимости такой армии, автор ориентируется главным образом на реалии своего времени, когда окончательно сложилась система размещения постоянных гарнизонов в приграничной зоне, а в результате военных реформ повысилась привлекательность службы в армии, но вместе с тем выросли расходы на ее содержание. В логической связи с последним обстоятельством находятся и радикальные экономические предложения Диона, выдвигаемые в следующей главе. Безусловно, Дион, имевший как наместник провинций личный опыт командования, был глубоко озабочен падением дисциплины войск и увеличением расходов на армию, сказывавшимся на положении состоятельной элиты, и, как типичный представитель своего класса, питал неистребимое предубеждение против солдатской массы, но вместе с тем понимал необходимость сильной армии. См. Blois L. de. Volk und Soldaten bei Cassius Dio // ANRW. 1997. II. 34. 3. S. 2650–2676.

изменно будет исходить угроза беспорядков и гражданских войн. (4) Но, запретив такого рода занятия, в случае войны, когда нам понадобятся боеспособные люди, мы всегда рискуем оказаться в опасном положении, располагая лишь неопытными и необученными воинами. Вот почему я придерживаюсь того мнения, что в то время как прочие должны жить, не зная оружия и лагерных валов, набирать в войско и обучать военному делу следует самых крепких телом и наиболее нуждающихся в средствах к существованию. (5) Они ведь, целиком посвятив себя воинскому ремеслу, будут лучше воевать, тогда как остальное население, не имея нужды отправляться в военные походы и полагаясь на защиту других, сможет спокойнее обрабатывать землю, плавать по морям и посвящать себя прочими мирными занятиям. Таким образом, самые энергичные и сильные, кому иначе пришлось бы жить в основном разбоем, смогут обеспечить себя, не причиняя никому вреда, а все прочие будут проводить жизнь в безопасности.

28 (1) Откуда же взять деньги и на этих воинов, и на прочие необходимые расходы? Я объясню также и это, но предварительно замечу, что даже если бы мы имели демократический образ правления, то все равно нуждались бы в деньгах, ибо безопасность невозможно обеспечить без воинов, а даром нести военную службу никто не станет. (2) Поэтому не стоит нам терзать себя мыслью, будто необходимость собирать деньги свойственна только единовластию, и ни к чему по этой причине отвергать данную форму правления, но давайте исходить из того, что, какой бы государственный строй мы ни имели, в любом случае нам придется изыскивать денежные средства. (3) Поэтому я предлагаю, чтобы первым делом ты распродал все имущества, находящиеся в государственной собственности (каковых, на мой взгляд, благодаря войнам образовалось немало)⁸⁹, сделав исключение лишь для того небольшого, что действительно тебе очень необходимо, и все деньги, вырученные таким путем, отдал в рост под умеренные проценты. (4) Благодаря этому мероприятию не только земля, переданная в руки хозяев, которые будут обрабатывать ее собственными руками, станет приносить доход, но и эти земледельцы, приобретя средства к существованию, сделаются зажиточнее, а государственная казна получит постоянный и достаточный доход. Затем тебе следует произвести оценку как этих, так и всех прочих доходов, которые могут надежно извлекаться из горных промыслов или каких-либо других источников, (5) и после этого еще раз рассчитать расходы не только на армию, но и на все, чем обеспечивается благоденствие государства, а также на непредвиденные военные предприятия и остальные нужды, возникающие обычно в чрезвычайных обстоятельствах. (6) Далее, исходя из этого, надлежит, во избежание любой нехватки средств, ввести налог⁹⁰ на всю без исключения собственность, приносящую какой бы то ни было доход своим владельцам⁹¹, а также обложить податями каждого из подвластных нам (ибо в том-то и состоит подлинная справедливость, чтобы никто не освобождался от налогообложения, ни частное лицо, ни община,

⁸⁹ κτήματα τὰ ἐν τῷ δημοσίῳ ὄντα. Имеются в виду прежде всего обширные земельные владения императоров. В случае продажи этих земель мелким и средним земледельцам вырученные средства становились капиталом, который государство, выступая в роли своеобразного аграрного банка, могло использовать для предоставления дешевого кредита тем же земледельцам. Вероятно, выдвигая это, революционное по своей сути, предложение, Дион отчасти исходил из той кризисной ситуации, которая, по мнению современных исследователей, имела место в правление Северов; кроме того, возможно, в это время в условиях сокращения количества рабочих рук имелось немало неиспользуемых императорских земель. Вместе с тем обеспечение стабильных государственных доходов за счет такого рода мероприятий призвано избавить имущие классы и города Империи от чрезмерного финансового бремени и чрезвычайных поборов в виде конфискаций собственности или, например, «коронного золота» (аугуст согопациум), которое в это время превратилось в особый налог, уплачиваемый провинциальными общинами в денежной форме.

⁹⁰ φόρον в данном случае соответствует латинскому tributum, в отличие от упоминаемых далее податей (τέλη), vectigalia, которые представляли собой косвенные налоги.

⁹¹ Дион предлагает, по существу, радикально новое решение – всеобщее и единообразное налогообложение всех форм собственности, имея, однако, в виду прежде всего предотвратить истощение богатств крупных земельных собственников. Предлагается также сбалансированный бюджет.

коль скоро они наравне с другими пользуются выгодами от налогов). (7) Для сбора налогов ты должен назначить в каждую область должностных лиц⁹², чтобы они полностью, по всем доходным статьям взыскивали платежи, приходящиеся на срок их службы. Это не только самим чиновникам облегчит взимание податей, но и налогоплательщикам принесет не меньшую выгоду; (8) я имею в виду то обстоятельство, что причитающиеся с них платежи они будут равномерно вносить небольшими частями⁹³, а не так, как сейчас, когда в случае небольшой задержки от них требуют уплатить сразу всю накопившуюся задолженность.

29 (1) Я, конечно, прекрасно понимаю, что появятся недовольные введением таких податей и налогов, но мне известно и другое, а именно: если люди не станут жертвой злоупотреблений и на деле убедятся, что все платежи они вносят ради собственной безопасности и безбоязненного пользования остальной своей собственностью (2) и что, кроме того, большая часть этих взносов достанется никому иному, как им самим в качестве наместников, управляющих или военнослужащих, а от них потребуются лишь ничтожная часть того изобилия, которым они смогут беспрепятственно наслаждаться, вот тогда они проникнутся к тебе великой благодарностью, в особенности если они увидят, что ты ведешь умеренный образ жизни и не допускаешь никаких бездумных трат. (3) Неужели кто-то, видя, что ты в расходах на себя в высшей степени бережлив, а на общественные нужды щедр безмерно, не станет охотно вносить подати, считая, что твое богатство означает его собственное спокойствие и благополучие?

30 (1) Таким образом, из названных источников деньги могли бы в изобилии поступать в казну⁹⁴. Что же касается прочих дел, то я советую тебе устроить их следующим образом. Столицу нашу укрась со всей возможной роскошью, не скупясь на расходы, и придай ей блеск всякого рода празднествами. Ведь нам, властвующим над столь многими народами, подобает всех превосходить во всем, и соответствующее великолепие в известной степени может нашим союзникам внушить к нам почтение, а врагам – страх. (2) Делами же других городов управляй следующим образом. Прежде всего, простой народ не должен иметь власти ни в каких вопросах и вообще сходиться на какое-либо собрание, ибо никакого блага уразуметь он не в состоянии и всегда готов устраивать беспорядки. Поэтому я полагаю, что и народу нашему здесь, в Риме⁹⁵, нет нужды собираться ни для судебных заседаний, ни для выборов должностных лиц, ни на иные собрания подобного рода, где должны приниматься какие-либо решения. (3) Далее, пусть города не увлекаются сверх необходимого ни числом, ни величиной общественных зданий и не расточают средства на устройство в большом количестве разнообразных состязаний, чтобы и напрасным напряжением сил себя не истощать, и не соперничать во вздорном тщеславии. (4) Конечно, у них должны быть какие-то свои празднества и зрелища помимо тех цирковых игр, что проводятся у нас в Риме, но, право же, не в таких масштабах, чтобы разорение грозило общественной казне или частным имуществам, или чтобы всякий чужеземец, проживающий в городе, вынужден был в той или иной степени тратить на них, или чтобы пожизненное содержание назначалось всем без исключения победителям в состязаниях⁹⁶. (5) Неразумно ведь заставлять состоятельных людей нести расходы за пределами их собственного отечества, а участникам состязаний довольно и обычных наград, если только речь не идет о победах, одержанных на Олимпийских или Пифийских играх, или на тех, что проводятся в самом Риме. (6) Лишь таким победителям должно устанавливать содержание на общественный счет, тогда и города не будут

⁹² Под ἐκλοῦγας подразумеваются прокураторы (ср. LIII. 15. 3).

⁹³ Ср. Polyb. XVIII. 44. 7; Zon. IX. 16. 12.

⁹⁴ Выдвигаемые в речи Мецената предложения относительно реформирования налоговой системы также носят радикальный характер. Дион предлагает по-новому распределить налоговое бремя, чтобы предотвратить уменьшение богатства крупных земельных собственников, введя единое налогообложение всех форм собственности и положив конец любым (индивидуальным и коллективным) освобождениям от налогов.

⁹⁵ τὸν παρ' ἡμῖν σῆμον. Комиции, хотя и всего лишь для проформы, продолжали собираться в Риме и во времена Диона (ср. его замечание в LVIII. 20. 4).

⁹⁶ См. Reinhold. Op. cit. P. 233 (Appendix 17. The economic burden of athletes' pensions).

понапрасну обременяться, и из атлетов станут упражняться только те, кто заслуживает победы, а остальные смогут найти какое-нибудь занятие, более полезное и для них самих, и для общества. Таково мое мнение относительно данных вопросов. (7) Что же касается конных ристаний, не сопровождаемых гимнастическими состязаниями⁹⁷, то, по моему мнению, не следует позволять их проведение ни в одном другом городе, кроме Рима: в этом случае и огромные деньги не будут пропадать впустую, и население не будет предаваться этому пагубному пристрастию, и, самое главное, люди военные получают возможность пользоваться лучшими лошадьми в изобилии. (8) Именно по этой причине я и советую полностью запретить устройство скачек где бы то ни было, кроме Рима; а в отношении прочих зрелищ мои предложения сводятся к тому, чтобы каждый город, зная меру в расходах на ублажение зрения и слуха, мог жить благоразумнее и спокойнее, без раздоров⁹⁸.

(9) Ни одному из городов не следует иметь собственной монеты или собственных мер и весов, но все они должны пользоваться нашими⁹⁹. Не должны они также по всякому поводу направлять к тебе свои посольства, если только речь не идет о деле, требующем особого рассмотрения¹⁰⁰; пусть лучше они изложат свои пожелания перед наместником и через него передадут тебе свои прошения¹⁰¹, если он их одобрит. (10) При таком порядке они и себя от лишних расходов избавят, и прибегать к негодным средствам для достижения своей цели перестанут, да и ответы на свои запросы¹⁰² получают в неискаженном виде, без затрат или волокиты.

31 (1) Что касается других вопросов, то, по моему мнению, ты поступишь наилучшим образом, если, во-первых, посольства, прибывающие от неприятелей или союзников, от царей или общин, ты отправишь в сенат¹⁰³, ибо, помимо всех прочих соображений, есть особая внушительность и достоинство в том, что сенат предстает¹⁰⁴ вершителем всех дел и в том, что тем посланникам, которые преступают справедливость, представляется немало людей, готовых дать отпор. (2) Во-вторых, было бы правильно, чтобы все свои

⁹⁷ Имеются в виду *ludi circenses*, цирковые игры в Риме.

⁹⁸ Предлагаемые в речи Мecenата ограничения расходов городских общин в провинциях на публичные здания, проведение игр и содержание профессиональных атлетов не являются новыми. Ср., например, обсуждение вопросов о городских расходах на строительство и на пенсии победителям в атлетических состязаниях в переписке Плиния Младшего с императором Траяном (Epist. X. 39–40, 118–119). В середине 170-х годов был принят сенатусконсульт о сокращении расходов на гладиаторские игры (*SC de sumptibus ludorum gladiatorum minuendis* – FIRA². I. 294–300), в котором, в частности, выражалось беспокойство по поводу упадка благосостояния городов (§ 49: *labantem civitatum statum*) и подорванных до основания состояний граждан, занимающих муниципальные должности (*praecipitantes iam in ruinas principium virorum fortunas*).

⁹⁹ Возможно, предложение такого рода ограничительных мер в отношении провинциальных городов связано с опытом Диона в качестве куратора Пергама и Смирны в 218–221 гг. Предлагая ликвидировать чеканку собственной мелкой бронзовой монеты отдельными городами, Дион ратует за единообразие денежной системы. Именно в правление Септимия Севера локальные городские монетные выпуски, разрешения на которые охотно предоставлялись императорами, достигли своего пика. Эти мелкие монеты, предназначенные для местных рынков, имели ограниченное хождение. Со второй трети III в. эта чеканка приходит в упадок, отчасти в результате инфляции, отчасти благодаря выпуску Каракаллой антониниана с завышенной стоимостью; процесс этот ускорился в результате порчи серебряной монеты, возобновившейся после правления Александра Севера. В конечном счете с монетным плюрализмом было покончено не в результате сознательной политики, а в силу действия экономических факторов.

¹⁰⁰ *πράγμα τι διαγνώσεως. Διάγνωσις* соответствует лат. *cognitio*, т.е. речь идет о делах, требующих судебного разбирательства.

¹⁰¹ *αἵτωσεις* = *petitio*.

¹⁰² *αλοκρίσεις* = *rescripta*, дававшиеся императором.

¹⁰³ Уже со времени Августа вошло в обычай, что иноземные и провинциальные посольства принимали либо сенат, либо принцепс, а к середине II в. значение сената в этом отношении практически полностью сошло на нет.

¹⁰⁴ По мнению Рейнолда (Op. cit. P. 204), слово *δοκῆν*, использованное здесь, показывает, что Дион далек от мысли о передаче реальных внешнеполитических полномочий сенату и выступает скорее за сохранение символической значимости сената.

законодательные предложения ты проводил через сенат и равным образом никаких решений, касающихся всех, вообще не осуществлял бы без его постановлений. В этом случае надежнее будет обеспечен авторитет власти, и приговоры, вынесенные в соответствии с законами, в глазах всего народа будут выглядеть бесспорными и понятными. (3) В-третьих, если случится так, что кого-то из членов сенаторского сословия, уже вошедших в сенат¹⁰⁵, или их детей и жен обвинят в каком-то тяжком преступлении, осужденному за которое грозит лишение гражданских прав, изгнание или даже смерть, то тебе следует передать это дело на рассмотрение сената¹⁰⁶, ничего заранее не предпреля, (4) и полностью положиться на его решение в отношении этих лиц, чтобы преступники, избранные судом лиц, во всем равных им по достоинству, понесли наказание, не имея на тебя обиды, а другие, видя это, сами изменились к лучшему из страха быть опозоренными на весь свет.

(5) В данном случае я говорю лишь о тех преступлениях, которые предусмотрены законами и по которым приговоры выносятся в соответствии с этими законами. Ведь по поводу упреков или прочего злопыхательства в твой адрес, от кого бы они ни исходили, никогда не выслушивай обвинителя и не возбуждай судебного преследования. (6) Позорно верить, что кто-то будет поносить тебя, если чужд ты всякой несправедливости и для всех являешься благодетелем: так поступают лишь дурные правители, которые о достоверности распространяемых сплетен судят лишь по собственному внутреннему убеждению. (7) Даже раздражаться такими высказываниями опасно (если они соответствуют истине, лучше не делать таких вещей, а если они ложь – вовсе не обращать внимания), поскольку не раз уже бывало, что, поддавшись гневу, правители навлекали на себя гораздо более зловредные выдумки. (8) Таково мое мнение относительно тех, кто обвиняется в словесных оскорблениях. Ты обязан быть выше любого оскорбления; и ни ты сам, ни другие не должны никогда допускать даже мысли, что кто-то может позволить себе какую-нибудь дерзость по отношению к тебе; пусть люди считают тебя, как и богов, лицом священным¹⁰⁷. (9) Однако и в том случае, когда кто-то будет обвинен в заговоре против тебя (может ведь случиться и такое), тебе также не следует ни самому вершить над ним суд, ни заранее предпрелять приговор (нелепо ведь одному и тому же человеку быть одновременно и обвинителем, и судьей), но нужно передать дело на рассмотрение сената и позволить обвиняемому самому себя защищать; и если подсудимый будет признан виновным, подвергни его наказанию, смягчив, насколько это возможно, строгость приговора, с тем чтобы не было сомнений в самой виновности. (10) Дело в том, что люди в большинстве своем очень неохотно верят, что человек безоружный злоумышляет против вооруженного; и единственный способ убедить их состоит в том, чтобы, наказывая виновного, не проявить, насколько это возможно, ни чрезмерного гнева, ни жестокости. Но это правило я не распространяю на командующего войском, который поднимает открытый мятеж: такого бунтаря вообще полагается не судить, а карать как врага государства.

32 (1) Таковы те дела, которые, наряду со многими другими, имеющими первостепенное значение для государства, тебе следует передать сенату, ибо то, что касается общих интересов, должно решаться сообща. Кроме того, всем людям в той или иной степени от природы свойственно, с одной стороны, испытывать удовольствие, когда вышестоящий выказывает им уважение, как равным, и, с другой стороны, не только хвалить как свои собственные все решения, принятые кем-то другим при их участии, но и охотно следовать им как личному свободному выбору. (2) Вот почему я утверждаю, что указанные дела следует выносить на рассмотрение сената¹⁰⁸. Причем и по этим, и по другим

¹⁰⁵ В отличие от других представителей этого сословия, которые еще не получили доступа в сенат.

¹⁰⁶ Вероятно, это предложение высказывается в связи теми многочисленными казнями сенаторов, что имели место во времена Диона, начиная от правления Коммода до Элагабала. Во II в. обычной была практика предоставлять на суд сената уголовные дела сенаторов.

¹⁰⁷ *σεπτός*. Возможно, что это слово использовано как синоним к *σεβαστός* (augustus), потому что Октавиан в 29 г. до н.э. еще не получил титул Августа.

¹⁰⁸ К началу III в. н.э. широкое обсуждение предложений императора в сенате и принятие по ним сенатусконсультов окончательно сошли на нет.

вопросам должны высказывать свое суждение равным образом все сенаторы, присутствующие на заседании, за исключением тех случаев, когда дело идет об обвинении одного из членов сенаторского сословия, если только обвиняемый не принадлежит к числу тех, кто еще не получил доступ в сенат, либо является пока лишь квестором¹⁰⁹. (3) Нелепо ведь, чтобы тот, кто еще не был ни трибуном, ни эдилом, подавал голос в деле тех, кто уже занимал эти должности, либо, паче того, кто-то из этих последних – в деле бывших преторов, а те, в свою очередь, – в деле консуляров. Нет, пусть только бывшие консулы имеют право выносить решение относительно всех сенаторов, а прочие – лишь в отношении равных им по рангу или нижестоящих.

33 (1) Что касается тебя самого, то в качестве единоличного судьи принимай к рассмотрению те дела, которые поступают к тебе для обжалования или повторного рассмотрения от высших должностных лиц и прокураторов¹¹⁰, от префекта города и младшего цензора, а также от префектов, ведающих продовольственным снабжением и ночной стражей¹¹¹, ибо никто из них вообще не должен обладать настолько неограниченными судебными полномочиями, чтобы его приговоры не подлежали обжалованию. (2) В таких делах именно тебе надлежит быть судьей, равно как и в тех, что касаются всадников и тех центурионов, которые сразу заняли этот пост¹¹², а также частных граждан, занимающих высокое положение¹¹³, если речь идет о преступлении, караемом смертной казнью или лишением гражданских прав. Эти дела должны передаваться только тебе, и никто другой, по указанным мною причинам, не может самостоятельно выносить по ним окончательные приговоры. (3) При этом всегда вместе с тобой обсуждать решения должны наиболее почтенные сенаторы и всадники, а иногда также и другие лица, в том числе, в зависимости от случая, бывшие консулы и бывшие преторы¹¹⁴. Это необходимо, с одной стороны, для того, чтобы ты, сначала основательнее изучив образ мысли этих людей, мог потом правильно их использовать; а с другой – для того, чтобы они, в свою очередь, прежде чем отправиться в качестве наместников в провинции, заранее узнали твои умонастроения и замыслы. (4) Не требуй, однако, от них открыто высказывать свое мнение по вопросам, нуждающимся в особо тщательном рассмотрении, чтобы они, поскольку им приходится выступать следом за вышестоящими

¹⁰⁹ Т.е. относится к сенаторам младшего ранга, прошедшим только первую ступень должностной карьеры – квестуру.

¹¹⁰ *παρὰ τὸν μεῖζον ἀρχόντων καὶ παρὰ τὸν ἐπιτρόπον*. Здесь имеются в виду сенаторы-наместники, а также префект Египта, и принадлежавшие к сословию всадников прокураторы-наместники небольших провинций.

¹¹¹ *καὶ τὸν ἐπαρχὸν τοῦ τε τὸν σίτον ἐπισκοποῦντος καὶ τοῦ νυκτοφυλακοῦντος*. Под последними имеются в виду *praefectus annonae* и *praefectus vigilum*. Термином *ἐπαρχοί* Дион обычно обозначает и префектов претория (см. *Vrind. De vocabulis*. P. 97–99), которые оказываются неупомянутыми в данном перечне. Но если в данной фразе рассматривать *τὸν ἐπαρχὸν* в обобщенном смысле, а слова *τοῦ τε τὸν σίτον* к.т.л. понимать как конкретизацию этого обобщения, то возможен и такой вариант перевода: «а также от [других] префектов, [в том числе] ведающих продовольственным снабжением и ночной стражей». В таком случае можно полагать, что в данном пассаже Дион подразумевал и префектов претория. См. *Reinhold. Op. cit.* P. 205.

¹¹² *ἐκατονάρχων τὼν ἐκ καταλόγου*. Имеются в виду те центурионы, которые происходили из всаднического сословия (*ex equite Romano*) или муниципальной знати и начинали службу сразу в этом чине, в отличие от тех центурионов, которые получали это звание, выслужившись из рядовых (ср. *LII*. 25. 6–7). Поэтому возможен вариант перевода: «центурионы из всаднического сословия».

¹¹³ Под *ἰδιωτῶν τῶν πρώτων* имеются в виду декурионы, которые, как и центурионы и всадники, были подсудны непосредственно императору (ср. *LIII*. 17. 6). Речь вновь, как и в главе 22. 3, идет о различии в наказаниях для *honestiores* и *humiliores*, а также об изъятии всадников из-под юрисдикции сената.

¹¹⁴ Дион ориентируется здесь на тот тип императорского совета (*consilium principis*), который существовал при Августе и представлял собой небольшую группу магистратов, высокопоставленных сенаторов и всадников, с непостоянным составом и законосовещательными функциями (см. *Suet. Aug.* 35. 3; *Dio. LIII*. 21. 4–5; *LVI*. 28. 2). По мнению Миллара (*Op. cit.* P. 117), здесь имеется в виду тот совет, что и в главе 15. 1. Дж. Крук полагает, что речь идет о разных советах (*Crook J. Consilium Principis. Imperial Counsels and Counsellors from Augustus to Diocletian. Cambr., 1955. P. 88 f. Ср. Смышляев А.Л. Ук. соч. С. 63. Прим. 45).*

по рангу, не смущались говорить со всей откровенностью. Пусть лучше представят они свои мнения в письменном виде; и чтобы их содержание не стало известным никому, кроме тебя, прочитай их сам, прикажи тут же уничтожить эти записки. Благодаря этому, каждому обеспечив уверенность, что его суждение не прозвучит в присутствии других, ты точнее всего выяснишь, что думает каждый.

(5) Вместе с тем для разбора тяжб, ведения переписки, ответа на прошения городов и просьбы частных лиц, а также для всех прочих забот, относящихся к управлению государством, тебе следует иметь сотрудников и помощников из числа всадников¹¹⁵. Таким путем легче будет решаться каждый отдельный вопрос, а ты при этом и ошибок не допустишь, сам принимая все решения, и сил своих не лишишься, на себя взваливая все труды. (6) Любому желающему подать тебе совет по какому бы то ни было делу предоставь право высказаться свободно и безбоязненно: ведь если его предложения подойдут тебе, ты немалую пользу получишь; а если они тебя не убедят, никакого ущерба не потерпишь. (7) Подавших дельное предложение похвали и награди, ибо их идеи послужат и твоей собственной славе; за неудачные же советы не презирай и не пеняй, ибо надо иметь в виду намерения советующего, а не попрекать его неудачей¹¹⁶. (8) Такого же образа действий придержишься и в военных делах: к потерпевшему невольную неудачу не питай ненависти, к добившемуся успеха – зависти; и тогда все ради тебя охотно и радостно устремятся навстречу опасностям, уверенные, что не станут какой-нибудь их промахом поводом для расправы, а успех – для тайных козней. (9) В самом деле, очень многие, страшась зависти со стороны власть имущих, предпочитали победам поражение и благодаря этому самим себе обеспечивали безопасность, но тем же властителям причиняли ущерб. Так что, поскольку в любом случае в основном тебе придется пожинать плоды равно неудач и успехов, всегда избегай зависти, на словах к другим, а на деле – к самому себе.

34 (1) Какими ты желал бы видеть мысли и поступки своих подданных, такими всегда пусть будут и твои речи, и дела. Так ты будешь править успешнее, действуя больше наставлением, чем угрозами применения законов, ибо первое порождает усердие, второе – страх, и человеку проще подражать хорошим поступкам, когда он видит их на деле, чем избегать дурных, когда он знает, что запрещаются они лишь на словах. (2) Итак, сам делай все добросовестно, без всякой снисходительности к себе и ясно понимая, что любые твои слова и поступки тотчас же становятся известны всем. Тебе ведь предстоит жить на виду у всего мира, словно на театральной сцене, не имея возможности скрыть даже самое ничтожное свое прегрешение; (3) ибо, что бы ты ни делал, никогда не останешься ты наедине с собой, но неизменно будешь находиться в присутствии многих; и поскольку люди всегда с превеликим любопытством следят за поведением своих правителей, то стоит им только раз узнать, что ты требуешь от них одно, а сам делаешь другое, как они вместо того, чтобы бояться твоих угроз, начнут подражать твоим делам.

(4) Конечно, ты должен следить за образом жизни граждан, однако не спрашивай с них слишком строго. Принимай к рассмотрению все дела, по которым другими лицами выдвигаются обвинения, но не подавай даже вида, что тебе известно о проступках, по которым никто не выступает в качестве обвинителя, исключая правонарушения против государства. (5) Этим последним необходимо уделять особое внимание, даже если обвинителя по ним не нашлось. Что же касается пороков чьей-либо частной жизни, то тебе следует о них знать, чтобы никогда не ошибиться, выбрав помощником в каком-либо деле негодного человека, однако копаться в них, право, не стоит. (6) Ведь природа человеческая многих толкает на противозаконные поступки; и если беспощадно их преследовать, то пришлось бы оставить безнаказанными лишь очень немногих или вообще ни одного из виновных; но если человеколюбивую снисходительность сочетать с предписа-

¹¹⁵ Этот пункт в предложениях Диона отражает ситуацию, которая сложилась в императорской администрации при Антонинах, когда была институционализирована ведущая роль всадников в управлении такими ведомствами, как *cognitionibus* (по судебным делам), *ab epistulis* (по делам переписки), а *libellis* (по делам, связанным с прошениями частных лиц) и др.

¹¹⁶ Ср. с сентенцией в речи афинянина Диодота у Фукидида (III. 42. 5).

ниями законов, можно было бы вразумить и исправить тех, кто преступает закон. (7) Ибо закону, как известно, даже с помощью суровых наказаний никогда не одолеть природу. Но если одни люди, те, которые думают, что их проступки остались незамеченными, или те, которым высказано было мягкое порицание, иногда способны измениться к лучшему: первые – страшась позора в случае разоблачения, а вторые – стыдясь повторно преступить закон, (8) то другие, те, кто, будучи изобличенным, утратил саму способность стыдиться, или те, кого подвергли чрезмерному наказанию, опрокидывают и попирают все нормы права, полностью превращаясь в рабов своих природных страстей. Вот почему, с одной стороны, было бы легкомыслием карать всех провинившихся подряд, а с другой – негоже допускать, чтобы кто-то открыто кичился свои бесстыдством.

(9) Таким вот образом я советую тебе обходиться с человеческими пороками, за исключением самых тяжких, а правильное поведение поощрять сверх достоинства деяний. Ибо человечностью ты успешнее всего отвратишь людей от дурного, а щедростью побудишь их стремиться к лучшему. (10) При этом тебе не стоит опасаться, что однажды у тебя неостанет денег или других средств, чтобы вознаградить за добрые дела (напротив, я думаю, что, несмотря на то что ты властвуешь над столь обширными просторами земли и моря, людей, достойных твоего расположения, скорее окажется совсем немного); не бойся и того, что кто-то из отмеченных твоей милостью проявит неблагодарность: (11) ничто ведь настолько не покоряет и не располагает человека, будь он даже чужеземец или враг, как справедливое отношение к нему в сочетании с милостями.

35 (1) Такова суть моих предложений касательно того, как надлежит тебе относиться к окружающим. По отношению же к себе лично тебе не следует допускать, чтобы сенатом или кем бы то ни было еще – на словах ли или на деле – даровались тебе какие-либо исключительные и чрезмерные отличия. (2) Тогда, как для других лучшим украшением служит оказанная тобой честь, тебе невозможно даровать ничего величественнее того, что уже есть у тебя, да и как в таком случае не возникнуть сильному подозрению в неискренности [тех, кто предлагает тебе подобные почести]. В самом деле, нельзя даже представить себе, чтобы кто-то высказывался за такого рода отличия для своего правителя по собственному побуждению, и поскольку получается, что все эти почести такой правитель получает сам от себя, он не только не заслуживает прославления, но и становится посмешищем. (3) Поэтому, чтобы снискать себе еще больше славы, полагайся лишь на дела собственной доблести¹¹⁷ и ни в коем случае не позволяй воздвигать себе золотые или серебряные изваяния (они ведь не только разорительно дороги, но и открыты для покушений злоумышленников, да и недолговечны), но создавай путем благодеяний иной свой образ, незыблемый и нетленный, в сердцах людей. (4) Тем паче никогда не допускай, чтобы тебе посвящались храмы. Ибо на них напрасно расходуются огромные средства, которые лучше было бы потратить на то, что действительно необходимо (ведь настоящее богатство создается не столько большими приобретениями, сколько отсутствием больших расходов). К тому же подлинная слава никак не зависит от храмов. (5) Только доблесть делает многих равными богам, но ни один человек никогда не становился богом в результате народного голосования. Для тебя же, если ты наделен доблестью и правишь достойно, святилищем будет вся земля¹¹⁸, храмом – каждый город, статуями – все люди, в чьих душах ты всегда будешь окружен почетом и славой¹¹⁹. (6) Тех же, кто использует власть каким-то иным образом, таких ни храмы, ни статуи, даже если заполнить ими все города, не только не возвеличивают, но скорее служат к вящему их позору, являясь знаками их торжествующей порочности и памятниками их беззакония; и чем дольше они стоят, тем крепче память об их бесчестье.

¹¹⁷ Здесь и далее Дион создает образ идеального царя в соответствии с стоической традицией.

¹¹⁸ Образ, заимствованный из надгробной речи Перикла (*Thuc.* II. 43. 3: *πάσα γῆ τάφος*).

¹¹⁹ Ср. *Tac. Ann.* IV. 38.

36 (1) Так что если ты желаешь обрести подлинное бессмертие, то и в отношении названных почестей води себя подобающим образом, и, помимо этого, не только сам окружай божество всевозможным поклонением, согласно отеческим обычаям, но и других людей побуждай к благочестию. Тех же, кто привносит в богопочитание что-то необычное и чуждое нашим обрядам, отвергай и наказывай. (2) И дело здесь не только в самих богах, не только в том, что пренебрегающий ими станет презирать и все вокруг, но и в том, что такого рода люди, те, кто вводит новые божества вместо старых, склоняют многих к чужеродным верованиям, отчего возникают тайные сообщества, заговоры и клики, которые ничего хорошего единовластию не сулят. Поэтому ни безбожников, ни колдунов ты не должен терпеть¹²⁰. (3) Без искусства прорицания, конечно, не обойтись, и тебе непременно следует назначить определенное число гаруспиков и авгуров, чтобы к ним обращались желающие получить совет в том или ином деле. Но ни в коем случае нельзя допускать деятельности магов, которые, в своих речениях примешивая толику правды к массе лжи, нередко подстрекают толпу к переворотам. (4) То же самое делают и многие из тех, кто выдает себя за философов, и я поэтому советую тебе остерегаться и этих людей. Не думай, что коль скоро ты хорошо знаком с такими добропорядочными мужами, как Арей и Афинодор¹²¹, то на них похожи и все прочие, именующие себя философами, ибо есть и такие, кто, прикрываясь этим именем, творит неисчислимыя беды как государствам, так и частным лицам.

37 (1) В помыслах своих и желании ничего более не прибавлять к своим владениям тебе надлежит выказывать самую горячую приверженность миру, но в то же время по своей готовности к войне – являть образец воинственности, дабы ни у кого не возникало ни желания, ни мысли причинить тебе несправедливость и чтобы – если кто-нибудь дерзнет на это – можно было покарать его без всякого труда и промедления. (2) И так как тебе, по тем или другим причинам, понадобятся соглядатаи и осведомители, которые будут сообщать обо всем, что касается дел твоего правления, чтобы ты не был в неведении относительно того, что требует охранения и исправления, помни, что не следует слепо доверять их сведениям, но нужно тщательно все исследовать. (3) Ведь существует множество людей, которые – одни из ненависти к кому-то и жажды чужого богатства, другие из желания кому-либо угодить, третьи из-за обиды на тех, у кого они просили и не получили денег, – готовы предъявить клеветнические обвинения в подготовке мятежей и прочих кознях или в злословии против правителя. (4) Поэтому не внимать тут же и с готовностью нужно этим обвинителям, но основательно проверять все их заявления. Не торопясь довериться кому-либо из этих людей, ты не претерпишь большого вреда, но, проявив излишнюю поспешность, ты можешь допустить ошибку, которую нельзя будет исправить.

(5) Вместе с тем тебе нужно и должно ценить людей добропорядочных из числа твоих вольноотпущенников и других приближенных – это послужит тебе и украшением, и хорошим залогом твоей безопасности. Однако они не должны приобрести чрезмерного значения, но всем им надлежит строго блюсти умеренность – тогда и ты не подвергнешься из-за них никакому позору. (6) Ведь все, что бы они ни сделали, хорошее или дурное, будут относить на твой счет и о тебе самом станут судить по тому, что и в каких пределах ты позволяешь им делать.

Что касается могущественных лиц высокого ранга, то тебе не следует допускать ни того, чтобы они притесняли других, ни того, чтобы они сами оказывались жертвами ложных доносов. Но пусть никому из них, коль скоро они ни в чем не провинились, не

¹²⁰ В число безбожников (ἄθεοι) римлянами включались христиане и иудеи. Резкое выступление Диона против отклонений от традиционной религии, возможно, является реакцией на религиозные пристрастия императора Элагабала (218–222 гг.), широко вводившего восточные экстатические и оргиастические культы в Риме. Отсюда же и акцент на роли гаруспиков и авгуров как оплоте традиционной религии.

¹²¹ Арей Дидим из Александрии, стоик, наставник Октавиана в философии (см. о нем: LI. 16. 4). Афинодор из Тарса, стоик, был учителем Октавиана в Аполлонии, а потом стал его советником (см. о нем: LVI. 43. 2).

вменяется в вину как преступление самое их могущество. (7) Решительно вставай и на защиту простых людей, когда по отношению к ним чинится несправедливость. Не спеши, однако, сразу же поддерживать их жалобы, но тщательно исследуй все обстоятельства дела, не питая предубеждения ко всякому выдающемуся лицу, но и не выказывая доверия любому бедняку. (8) Людей трудящихся и занимающихся каким-либо полезным ремеслом уважай, а нерадивым бездельникам будь врагом, чтобы твои подданные, стремясь в расчете на поощрение стать такими же, как первые, и из страха перед наказанием не уподобиться вторым, и в своей частной жизни были более успешными, и в делах государственных более полезными тебе.

(9) Прекрасное дело – уменьшить, насколько это возможно, разногласия среди отдельных граждан и как можно скорее добиться их примирения и согласия; но важнее всего – обуздать неумные притязания общин и не допустить, чтобы они пытались в чем-то притеснять друг друга либо брать на себя непосильные задачи и расходы, пусть даже [в своих прошениях] они возносят молитвы за державу, за твое благополучие и удачу. (10) Важно также решительно пресечь междоусобную вражду и честолюбивое соперничество городов и не позволять им присваивать себе из тщеславия разного рода почетные наименования¹²² и вообще делать что-либо такое, от чего у них могут возникнуть раздоры друг с другом. В этих делах, как и в прочих, все – и частные лица, и общины – с готовностью подчинятся тебе, убедившись, что ты ни для кого никогда не допускаешь ни малейшего отступления от общих правил: ведь непоследовательное применение губит даже прекрасно задуманные законы. (11) Вот почему ты должен не только запретить своим подданным просить о чем-либо таком, чего ты не собираешься давать, но и заставить их с самого начала неукоснительно соблюдать одно правило – не домогаться ничего запрещенного.

38 (1) Таково мое мнение об этих делах, а в целом я советую тебе ни в коем случае не злоупотреблять своей властью и не видеть какого-то ее умаления в том, что ты вообще не применил всех своих полномочий. Но чем больше у тебя возможностей осуществить все то, чего ты желаешь, тем сильнее желай всего того, чего подобает желать. (2) При этом постоянно спрашивай самого себя, за какие поступки будут тебя любить, а за какие нет, с тем, чтобы одно из этого делать, а другого избегать. Не думай, будто твое поведение будет считаться правильным только потому, что ты не услышишь на себя ни одной жалобы; и не жди, что кто-нибудь настолько лишится рассудка, чтобы открыто порицать тебя за что-либо. (3) Этого ведь никто не сделает, даже если он потерпел великую несправедливость. Совсем наоборот, многие бывают вынуждены публично восхвалять своих обидчиков, изо всех сил стараясь не обнаружить своего негодования. Правителю же следует о настроении окружающих судить не по речам их, а на основе того, что они, по всей вероятности, думают.

39 (1) Я желаю, чтобы ты следовал именно таким правилам и действовал в подобном духе. При этом многого я не касаюсь, поскольку невозможно сказать сразу обо всем в одной речи. Одно только посоветую тебе, выделив главное и в том, что уже сказано, и в остальном. (2) Если ты по собственной доброй воле будешь поступать так, как ты хотел бы, чтобы с тобой поступал кто-то другой, сделавшись правителем, тогда ты ни в чем не допустишь промахов и во всем будешь иметь успех, а благодаря этому и жить будешь самым приятным образом и в полнейшей безопасности. (3) Разве не будут все смотреть на тебя как на отца, как на спасителя, разве не будут любить тебя, видя, что ты ведешь честный и умеренный образ жизни, отлично владеешь военным искусством и вместе с тем миролюбив, что ты чужд какого бы то ни было высокомерия и алчности, относишься ко всем одинаковым образом, (4) не наживаешься сам, вымогая деньги у других, не роскошествуешь сам, заставляя других бедствовать, не предаешься сам распутству, призывая других к воздержанности, но, напротив, всегда и во всех отношениях живешь совершенно так же, как они? Поэтому, имея в своем распоряжении такой мощный обе-

¹²² О самовольном присвоении городами почетных титулов как о практике, распространенной в его время, Дион упоминает в LIV. 23. 8.

рег, как непричинение никому никакой несправедливости, будь совершенно спокоен и верь мне, когда я утверждаю, что никогда не коснутся тебя ни ненависть, ни заговоры. (5) При таком положении вещей у тебя есть все основания для счастливой жизни. Ибо что может быть приятнее, что может быть блаженнее, чем, обладая добродетелью, наслаждаться всеми доступными человеку благами и быть в состоянии уделять их другим?

40 (1) Итак, обдумав это и все остальное сказанное мною, послушайся меня и не пренебрегай судьбой, которая избрала тебя из всех остальных людей и поставила во главе их. Коль скоро ты на деле предпочитаешь монархический образ правления, но страшишься самого названия «царство» как подвергнутого проклятию¹²³, то не принимай его, но властвуй, именуясь Цезарем. (2) Если же тебе понадобятся какие-либо иные наименования, то тебе предоставят имя императора, как уже дали его твоему отцу, почтят и возвысят¹²⁴ тебя и другим каким-нибудь прозвищем, так что ты будешь пользоваться всей полнотой царской власти, но без той ненависти, какую вызывает ее название.

41 (1) На этом Меценат завершил свою речь. Цезарь от души похвалил их обоих как за обилие мудрых мыслей и доводов, так и за откровенность, но предпочтение отдал предложениям Мецената. Однако не стал незамедлительно приводить в исполнение все его советы, опасаясь неудачи в том случае, если возьмется сразу за преобразование всего общества. (2) Впрочем, одни преобразования он провел немедленно, другие – позднее, а некоторые оставил на долю тех, кто придет к власти впоследствии¹²⁵, полагая, что со временем для соответствующих нововведений наступит более подходящая пора. И Агриппа, хотя и советовал прямо противоположное, содействовал Цезарю в осуществлении предложенных Меценатом мер с величайшим усердием, как если бы сам был их зачинателем.

(3) Эти и другие дела, о которых было сказано выше в моем рассказе, Цезарь совершил в тот год, когда он в пятый раз был консулом; принял он и титул императора. Я говорю не о том звании, которое, согласно древнему обычаю, присваивалось военачальникам за добытые ими победы (его он неоднократно получал за свои подвиги и раньше, и впоследствии, (4) так что двадцать один раз провозглашался императором¹²⁶), но имею в виду другое, которое означает обладание высшей властью и было присвоено его отцу Цезарю, его детям и потомкам¹²⁷.

¹²³ Возможно, Дион намекает на ту клятву, которую принесли вслед за Брутом римляне, отстрив от власти царя Тарквиния Гордого (*Liv.* I. 59. 1; II. 2. 5).

¹²⁴ σεβῆσθαι Здесь обнаруживается игра слов, намекающая на титул «Август», так как употребленный в данном случае глагол σεβίζω имеет тот же корень, что и эпитет Σεβαστός («высокий, священный»), который соответствует латинскому Augustus (от *augere* – «возвышать, возвеличивать, чтить») (ср. *LSP.* 16. 8). Дион в большинстве случаев транслитерирует этот римский титул, но самого Октавиана обычно именует Цезарем.

¹²⁵ Таким образом, Дион признает, что изложенная в речи Мецената программа реформ не сводится к тем преобразованиям, которые были осуществлены в правление Августа. В то же время автор, желая придать авторитет своим предложениям, связывает их с политикой первого принцепса.

¹²⁶ Ср. *RgdA.* 4. 1; *Tac. Ann.* I. 9. 2. После своей восьмой аккламации императором в 25 г. до н.э. за победы в Испании Август больше лично не возглавлял армию на театре военных действий, но в период с 20 г. до н.э. по 12/13 г. н.э. он еще 13 раз провозглашался императором.

¹²⁷ Ср. *XLIII.* 44. 2–3. В данном случае, желая, видимо, подчеркнуть, что Октавиан именно после дискуссии Агриппы и Мецената решил выбрать монархическое правление, Дион ошибочно связывает это его решение с принятием титула императора как обозначения высшей единоличной власти (τὴν τοῦ αὐτοκράτορος ἐπικλήσιν). Отсчет времени правления от провозглашения «императором» вошел в обычай уже после Августа, и во времена Диона звание «император» было первым в императорской титулатуре, но в качестве особого титула правителя оно утверждается только при Веспасиане. *Praenomen imperatoris* у Октавиана не был еще властным титулом, но лишь почетным наименованием, которое, возможно, придумал Агриппа, чтобы подчеркнуть, что Октавиан как наследник военного авторитета Цезаря был прежде всего военным лидером, командующим. Именно на монетах, выпущенных в 38 г. до н.э. Агриппой, впервые и появляется у Октавиана *praenomen imperatoris*. Ошибается Дион и в том, что считает полученный Цезарем преномен наследственным именем. См. об этом: *Reinhold. Op. cit.* P. 231–232 (Appendix 16. *On praenomen «imperator»*).

42 (1) После этого он, заняв вместе с Агриппой должность цензора¹²⁸, наряду с некоторыми другими мерами произвел изменения в составе сената. Дело в том, что в условиях гражданских войн, при отсутствии должной оценки достоинства, в числе сенаторов оказалось немало всадников и даже простых воинов¹²⁹ и численность сената возросла до тысячи человек. (2) Желая теперь удалить отсюда этих людей, он, однако, сам не вычеркнул ни одного имени, но, попросив сенаторов стать судьями самим себе и оценить друг друга исходя из самосознания, происхождения и образа жизни каждого, убедил сначала около пятидесяти человек добровольно покинуть сенат, а потом настоял на том, чтобы еще сто сорок человек последовали их примеру. (3) При этом он никого из них не подверг бесчестью, но только выставил для всеобщего обозрения имена тех, кто оказался во второй группе, а первых, поскольку они не стали тянуть время, но сразу повиновались ему, освободил и от этого порицания, оставив их имена неизвестными. Поэтому все они как бы добровольно вернулись к частной жизни. Однако Квинт Статилий явно против своей воли лишился должности народного трибуна, на которую уже был назначен¹³⁰. (4) Вместе с тем кое-кого Цезарь заставил стать сенаторами, а двух мужей из сенаторского сословия, неких Гая Клувия и Гая Фурния, причислил к консулярам, потому что они, уже будучи избранными, не смогли исполнять консульские обязанности, так как другие лица раньше заняли их должности¹³¹. (5) Заручившись для видимости разрешением сената, он увеличил и число патрицианских родов, поскольку большая их часть погибла (ведь в гражданских войнах никто не подвергается такому истреблению, как знать) и поскольку патриции, как всегда считается, незаменимы для поддержания наших отеческих установлений¹³². (6) В дополнение к этим мерам он запретил всем сенаторам покидать пределы Италии без своего приказа или разрешения. С тех пор это ограничение постоянно соблюдается: ни одному сенатору не дозволяется с какой-либо целью выехать из страны куда-либо, за исключением Сицилии и Нарбоннской Галлии¹³³.

¹²⁸ τριττεύσας σὺν τῷ Ἀγρίππῃ. В 29 г. до н.э. Октавиан, занимая должность консула, не мог быть цензором, но вместе с Агриппой он был наделен цензорской властью (*ensoria potestas*), которая продолжалась и в следующем году, и провел *lectio senatus* (отбор членов сената). Ср. *Fasti Venusini* под 28 г. до н.э. (InIt. 13. 1. 255: *Imp. Caesar VI, M. Agrippa II. Idem censoria potest(ate) lustrum fecer(unt)*). Дион, как и другие греческие авторы, не делает различия между должностью и должностной властью (ср. LII. 32. 5–6; RgdA. 6. 2, где *tribunicia potestas* переводится на греческий как *ἀρχή*). Примечательно также, что в данном месте Дион не упоминает о проведении ценза римских граждан, но сообщает о нем при рассказе о событиях 28 г. до н.э. (LIII. 1. 3). Август еще дважды проводил пересмотр списка сената (см. RgdA. 8.2 и *Dio*. LIV. 13–14, 26. 3–9, 35. 1; LV. 13. 3).

¹²⁹ Дион и в других местах сокрушается по поводу вхождения в сенат простых воинов (τεττοί), под которыми, скорее всего, имеются в виду центурионы, выслуживавшиеся из рядовых. См. XLII. 51. 5 (включение в состав сената центурионов и других воинов Цезарем); LXXIX. 7. 2 (об аналогичных действиях Макрина).

¹³⁰ О Кв. Статилии и обстоятельствах его отрешения от должности трибуна ничего не известно.

¹³¹ О Г. Клувии из других источников ничего не известно. Г. Фурний был другом Помпея Великого и Цицерона, одним из приверженцев Марка Антония, но получил от Октавиана прощение.

¹³² Полномочия увеличить число патрицианских семейств были предоставлены Октавиану по закону Сения (*Lex Saenia*) от 30/29 г. до н.э. (ср. RgdA. 8. 1: *patriciorum numerum auxi consul quintum iussu populi et senatus*); подобным образом это было сделано Юлием Цезарем в 45 г. до н.э. по закону Кассия (*Tac. Ann.* XI. 25. 2). К концу Республики оставалось всего около 12 патрицианских фамилий, что представляло серьезную проблему, поскольку ряд религиозных функций был доступен только патрициям. Дион сообщает также (XLIX. 43. 6), что в 33 г. до н.э. Октавиан увеличил число патрициев в соответствии с постановлением сената.

¹³³ Сенаторы должны были постоянно находиться в Риме уже в период поздней Республики. Для поездок за пределы Италии по личным делам они могли получить от сената фиктивное поручение – *legatio libera*. Октавиан восстановил этот порядок, добавив Сицилию к территориям, куда можно было выезжать без специального разрешения (позднее, в 49 г. н.э. Клавдий присоединил к ним Нарбонскую Галлию: *Tac. Ann.* XII. 23. 1; ср. *Dio*. LX. 25. 6). Дозволение на выезд предоставлялось теперь принцепсом, а не сенатом. Данные правила сохраняли силу и в III в., но в действительности большинство сенаторов, имея резиденцию в Риме, предпочитали жить на родине. Вскоре после правления Каракаллы сенаторы официально получили право иметь две резиденции – в Риме и там, откуда они были родом (*Paul. D. I.* 9. 11).

(7) Что касается последних, то, поскольку они расположены совсем близко, а население их не вооружено и миролюбиво, право выезжать туда без особого разрешения, когда им угодно, было предоставлено тем, кто имеет там какие-либо владения. (8) Видя, что многие сенаторы и другие из бывших приверженцев Антония все еще относятся к нему с подозрением, и опасаясь, как бы они не затеяли какой-нибудь новой смуты, Цезарь объявил, что все письма, найденные в сундуках Антония, преданы огню. Он и вправду некоторые из них уничтожил, но большую их часть заботливо сохранил и впоследствии не смущался пускать их в ход¹³⁴.

43 (1) Устроив эти дела таким образом, он также заново заселил Карфаген, так как Лепид часть его подверг опустошению и по этой причине считалось, что права прежних колонистов утратили силу¹³⁵. Он вызвал к себе Антиоха Коммагенского¹³⁶, потому что тот предательски убил посланника, отправленного в Рим его братом, враждовавшим с ним. Цезарь передал его на суд сената и народа и, когда был вынесен смертный приговор, казнил. (2) Также он отобрал Капрею у неополитанцев, которым она принадлежала издревле, и дал им взамен другие земли¹³⁷. Этот остров, расположенный недалеко от материка в районе Суррента, ничем не знаменит, но его название памятно и поныне, потому что он служил местопребыванием Тиберия.

¹³⁴ Ср. поведение Калигулы (*Dio*. LIX. 4. 3). См. также LIII. 2. 3 об аналогичных мерах по уничтожению писем.

¹³⁵ Лепид напал на Карфаген в период своего пребывания в провинции Африка между 40 и 36 гг. до н.э. В 29 г. до н.э. Октавиан увеличил колонию, основанную в Кафрагене Цезарем, на 3000 человек. См. *App. Pun.* 136 (VIII. 2).

¹³⁶ Антиох II, сын Антиоха I (ср. XLIX. 20. 3; 22. 1–2) и младший брат Митридата II, который после битвы при Акции был смещен с престола Октавианом (LI. 2. 1–3). Антиох II был возведен на трон вместо брата, но сразу же столкнулся с внутренними династическими распрями.

¹³⁷ Ср. *Suet. Aug.* 92. Вместо Капри неаполитанцы получили остров Энарию (совр. о-в Ischia).